

Воспользовавшись тем, что Шэнь Цзюэ отлучился, Тан Цзюань принялся осматривать хижину.

Комната была невелика: кровать, на которой он только что лежал, да простой квадратный стол, на котором догорал огарок красной свечи. В углу примостились инструменты для золочения и корзина с книгами, на стене висела диаграмма пяти стихий и восьми триграмм — вот и всё убранство. Не сказать, чтобы совсем уж пусто, но и богатством тут не пахло.

Зато на подоконнике зеленели два горшка с растениями, которые, несмотря на глубокую осень, выглядели удивительно свежими, а в проеме окна висел изящный бамбуковый колокольчик.

В доме было очень чисто. Хозяин, быть может, и не был богат, но явно любил жизнь. Со стороны он казался самым обыкновенным человеком, зарабатывающим на хлеб насущный. Однако обычные люди, встретив кого-то вроде него, за кем охотятся убийцы, первым делом стараются держаться подальше, чтобы не навлечь на себя беду. Вспомнить хотя бы, как вел себя Шэнь Цзюэ при их первой встрече в роще.

Тан Цзюань отчетливо помнил, как тот дрожал от страха, и фраза о желании закопать его заживо точно не была галлюцинацией, как и то, что он тогда пытался снять с него одежду. Что же заставило этого полубезумного предсказателя изменить решение и притащить его сюда, чтобы выходить?

Взгляд Тан Цзюаня, полный сомнений, переместился на его нефритовый кулон. Может, дело было в нем?

— А вот и каша! — Шэнь Цзюэ вошел в комнату, радостно неся две миски, и протянул одну из них Тан Цзюаню. — Давай, ешь побольше, на всех хватит!

— Благодарю. Скажите, господин Шэнь, почему вы решили меня спасти? Не боитесь, что я принесу вам неприятности? — прямо спросил Тан Цзюань.

Раз уж человек оказал ему услугу, Тан Цзюань не хотел подозревать его в дурных намерениях.

— Боюсь, конечно! Еще как боюсь, — с содроганием ответил Шэнь Цзюэ. — Но понимаешь, у каждого человека должны быть свои принципы. Когда я увидел тебя, тяжелораненого, лежащего у моих ног, я просто не смог пройти мимо. Я человек добрый и не могу спокойно смотреть, как кто-то умирает. Даже если из-за тебя у меня будут проблемы, совесть мне этого не позволит. К тому же, спасение жизни приравнивается к возведению семиэтажной пагоды — буду считать это накоплением заслуг. Честно говоря, с первого взгляда на господина Тана я понял, что вы человек необыкновенный. Нас связывает какая-то кармическая связь из прошлой жизни...

Тан Цзюань едва сдержал гримасу. Чем дальше, тем нелепее звучали оправдания. Что ж, теперь он выглядел еще меньше похожим на порядочного человека.

— Вы, несомненно, добрый человек, — ответил Тан Цзюань. Как ни крути, факт спасения оставался фактом.

Шэнь Цзюэ остался доволен и протянул вторую миску:

— Выпей лекарство и отдыхай.

Тан Цзюань взял миску, его рука слегка дрожала. Глубоко вздохнув, он залпом выпил отвар, задержав дыхание. К его удивлению, на вкус лекарство оказалось вовсе не горьким, а даже с легкой сладостью. Он с недоумением посмотрел на Шэнь Цзюэ. Тот лишь улыбнулся в ответ, не признаваясь, что в прошлый раз просто перепутал рецепты.

— Все, спи давай. Хороший сон — залог быстрого выздоровления, — Шэнь Цзюэ, словно нянька с ребенком, забрал миску и подоткнул одеяло.

Тан Цзюань не знал, где тот устроился на ночлег, но на следующее утро обнаружил, что в доме всего одна спальня, а Шэнь Цзюэ всю ночь промучился на кухне.

Тан Цзюань, который уже мог понемногу ходить, почувствовал себя неловко. Шэнь Цзюэ, заметив это, во время готовки каши решил подшутить над ним:

— Не бери в голову. Ты больной, тебе положено отдыхать.

— Я доставил вам слишком много хлопот. Сегодня я уйду. Вашу доброту я не забуду, и, как только вернусь на гору Шэньян и разберусь с делами, обязательно приду отблагодарить вас лично.

Он действительно так думал. Пока враги не найдены, оставаться здесь и подставлять под удар невинного было нельзя.

— Ой, ну что ты! В этом нет нужды, — Шэнь Цзюэ замахал руками. — К тому же, юный герой Тан, ты куда не уйдешь.

— Что вы имеете в виду? — Тан Цзюань насторожился.

— Ядовитый туман заблокировал проход в горы. Раньше чем через полмесяца тебе отсюда не выбраться, — Шэнь Цзюэ улыбнулся, глядя на него.

Узнав о необычных природных особенностях этого места, Тан Цзюань был вынужден остаться. С другой стороны, раз он не может выйти, то и преследователи не смогут войти — это было относительно безопасно. Однако ему было совестно занимать единственную кровать. После долгих уговоров Шэнь Цзюэ неохотно согласился соорудить ему временное ложе на кухне.

Крышу надо бы починить. Лежа на узкой кушетке, Тан Цзюань видел сквозь щели в кровле капли лунного света. Этот господин Шэнь явно жил в стесненных обстоятельствах. Негоже сидеть у него на шее. Когда он очнулся, своего кошелька при себе не нашел — должно быть, потерял во время бегства. Раз денег нет, поможет своим трудом. Завтра же займусь крышей!

Погода стояла теплая, а Тан Цзюань за годы странствий привык и к более суровым условиям, поэтому вскоре крепко уснул.

Среди ночи его разбудил глухой стук. Он вскочил с кровати, но сделал это слишком резко, отчего раны отозвались острой болью. Звук донесся из комнаты Шэнь Цзюэ — что-то тяжелое упало на пол.

Слух у Тан Цзюаня был отменный. Он напряженно прислушался: кроме стрекота осенних насекомых, в доме стояла тишина. Даже дыхания Шэнь Цзюэ не было слышно. Неужели что-то случилось? Первой мыслью было самое худшее — сказывалась привычка человека, только что чудом избежавшего гибели.

Он тихо вышел в темноту. В комнате Шэнь Цзюэ тоже было темно, но оттуда доносилось едва уловимое, хриплое дыхание. Тан Цзюань постучал:

— Господин Шэнь, вы в порядке?

Ответа не последовало. Не раздумывая, Тан Цзюань толкнул дверь. Шэнь Цзюэ лежал на полу, бледный как полотно, с нахмуренными бровями. Его руки судорожно вцепились в одежду на груди, он был на грани удушья.

Тан Цзюань в ужасе бросился к нему и поднял. Только коснувшись его, он понял, что одежда Шэнь Цзюэ насквозь пропиталась потом. Тот выглядел как утопленник, дыхание было слабым, сознание отсутствовало.

— Господин Шэнь? Шэнь Цзюэ? — громко позвал он. Пульс у того был неровным, то затихая, то пробиваясь вновь.

Не зная, страдает ли тот от хронической болезни или отравлен, Тан Цзюань побоялся действовать наобум. Он уложил его на кровать и укрыл одеялом.

— Шэнь Цзюэ? Шэнь Цзюэ! — он продолжал звать его, но реакции не было, а пульс становился все слабее.

Что же делать? Тан Цзюань не был врачом, но основы медицины, необходимые любому мастеру боевых искусств, знал. Либо старая болезнь, либо яд!

Он не знал, есть ли у Шэнь Цзюэ лекарства, но медлить было нельзя. Тан Цзюань решился:

была не была!

С детства он изучал уникальное искусство внутренней силы своего клана — Технику Чистого Ветра. Она отличалась мягкостью, подобно ручью, проникающему повсюду, и была способна как исцелять, так и сокрушать.

Схватив Шэнь Цзюэ за запястье, Тан Цзюань начал осторожно направлять свою чистую внутреннюю энергию в его меридианы. И тут он обнаружил нечто странное.

Меридианы Шэнь Цзюэ были тяжело повреждены и напоминали иссохшие сорняки, так что даже его мягкая энергия проходила сквозь них с большим трудом. К тому же в его даньтяне что-то свернулось в плотный комок, который неустанно поглощал жизненную силу из каналов, жадно впитывая большую часть энергии, которую передавал Тан Цзюань.

Тем не менее эффект был: дыхание стало ровнее, а нахмуренные брови расправились.

Увидев, что состояние больного стабилизировалось, Тан Цзюань с облегчением выдохнул и лишь тогда заметил, что его собственный лоб покрылся испариной. Он ведь и сам был после тяжелого ранения, так что подобное целительство давалось ему нелегко.

Забавная ситуация: вчера он лежал здесь, а сегодня уже сам спасает другого. Но откуда у этого предсказателя, который клялся, что не знает ни одного приема, такие застарелые травмы?

<http://bllate.org/book/21261/2152850>